Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТ

№ 16
НОЯБРЬ
1966

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

43-й год издания

В номере:

Сила марксистов-ленинцев — в сплоченности и единстве

К 50-летию Великой Октябрьской революции

Партийная работа в новых условиях

Актуальные проблемы политической экономии социализма

Страницы революционного движения в России

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» ● МОСКВА

Содержание

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КЛАССЫ И ПАРТИИ РОССИИ В КАНУН ОКТЯБРЯ

Е. БУГАЕВ

Чем больше времени отделяет нас от огненных лет революции, тем ярче, весомее и зримее предстает ее определяющее влияние на судьбы народов не только нашей страны, но и всей планеты. «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»,— писал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425).

Стремясь преуменьшить значение Великого Октября, апологеты капитализма и их пособники и по сие время упражняются в клевете и фальсификации, цель которых изобразить победу революции как исторический парадокс. Они распространяют под маркой «первоисточников» мемуарные стенания и «научные труды» обанкротившихся политиканов вроде кадета П. Милюкова, меньшевиков Н. Суханова, И. Церетели, Р. Абрамовича, эсеров А. Керенского и В. Чернова, злейшего врага ленинизма Л. Троцкого. И поныне история Октябрьской социалистической революции остается объектом острой идеологической борьбы. Старые погудки о «случайности» победы революции, ее исторической «неправомерности» перепеваются на новый лад в книгах П. Коула, А. Мейера, Л. Шапиро, В. Шарндорфа и многих других, вышедших в конце 50-х и в 60-х годах.

Не рассматривая все их многочисленные вымыслы, остановимся лишь на тезисе о «случайности» победы революции и прихода к власти большевистской партии.

Исторический опыт подтвердил, что революции не делаются по заказу. Самые далеко идущие проекты преобразования общества, не имеющие корней в живой действительности, превращаются в бесплодные мечтания либо в «революционную» авантюру. Революция может совершиться только тогда, когда внутри данной страны сложилась революционная ситуация, которая, по определению В. И. Ленина, характеризуется невозможностью для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; кризисом политики господствующего класса; обострением нужды и бедствий угнетенных классов; повышением в силу указанных причин активности масс.

Историческая практика подтвердила также, что не всякая революционная ситуация завершается революцией. Ленин разъяснял: революция возникает из такой ситуации, «когда к перечисленным выше объ-

ективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219).

Все эти объективные и субъективные факторы, обусловившие победу революции, имелись в России и в феврале и в октябре 1917 года.

Февральская революция в несколько дней смела трехсотлетнюю монархию Романовых. Решающей силой революции был рабочий класс, за которым шло крестьянство. Ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции подтвердилось практикой. В борьбе против царизма социалистические стремления пролетариата слились с демократическими стремлениями крестьянства. Революция победила. Коренной вопрос любой революции — вопрос о власти — был решен, хотя крайне своеобразно. В стране создалось двоевластие. Официально государственная власть принадлежала Временному правительству — органу диктатуры буржуазии, подчинившему себе аппарат государственного управления. Петроградский Совет — орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, за которым стояли Советы, созданные по всей стране, не был официальной властью, но его поддерживал вооруженный народ, у него в руках была реальная власть, и это понимали все.

Временное правительство, конечно, хотело бы установить свое единовластие. Но для этого у него не было сил. Советы, безусловно, могли бы взять всю власть в свои руки и устранить Временное правительство. Но, возглавляемые меньшевиками и эсерами, они не хотели этого. и шаг за шагом сдавали Временному правительству реальную власть, подпирали его своим авторитетом. Суть дела состояла в том, что революция происходила в стране, большинство населения которой составляла мелкая буржуазия, проснувшаяся к активной политической жизни.

«Гигантская мелкобуржуазная волна,— писал Ленин,— захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» (Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156). На гребне этой мелкобуржуазной волны всплыли партии меньшевиков и эсеров, получившие преобладание в Советах. Они вошли в соглашение с буржуазией и уступили ей власть, оставив за собой призрачный контроль над ее правительством.

Февральская революция, создав двоевластие, несла в себе семена новых революционных боев. Их неизбежность определялась тем, что ни один из борющихся классов не был удовлетворен итогами революции. Коренные социальные проблемы еще предстояло решить. И каждый класс хотел решить их по-своему. Это необходимо влекло за собою острую классовую борьбу, которая ярко выражается в борьбе политических партий.

РАССТАНОВКА СИЛ. ЦЕЛИ БОРЬБЫ

В связи с тем, что ближайшая цель революционного рабочего класса — свержение самодержавия — была достигнута, фронт его классовой борьбы перестраивался. Промышленный пролетариат в России был сравнительно немногочислен — около 3 500 тысяч человек. Но это было ядро более чем 15-миллионной армии наемного труда. Сила рабочего класса значительно больше его доли в населении страны. Рабочий класс играл решающую роль в общественном производстве; он прошел такую школу политической борьбы, приобрел

такие прочные связи с широкими массами непролетарских слоев трудящихся, отличался такой революционностью и организованностью, как ни один отряд рабочего класса другой страны. За 12 лет (1905—1917) он испытал на практике все формы классовой борьбы: экономической и политической, мирной и вооруженной, легальной и нелегальной. Рабочий класс России впервые в истории возглавлял подлинно народные революции эпохи империализма, в ходе которых укреплялся его союз с крестьянством.

Рабочий класс России первым создал свободную от пут реформизма массовую политическую партию, у колыбели которой стоял великий Ленин. Деятельность Ленина, ленинской партии стала определяющим фактором в политическом просвещении, организации сил рабочего класса; в трудах Ленина, в программе большевистской партии были сформулированы научно обоснованные цели борьбы, разработаны ее стратегия и тактика.

«...Нигде в мире,— указывал Ленин,— не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России» (Полн. собр. соч., т. 31, стр. 177).

Огромная школа борьбы, которую под руководством партии прошел пролетариат России, особенно проявилась в февральские дни. В ходе боев против самодержавия рабочие Петрограда начали создавать Советы, при этом сразу с участием солдат, то есть крестьян, одетых в шинели. Опыт революции 1905 года был усвоен. Организованная сила рабочего класса, его сплоченность и политический опыт в первые же дни революции сказались и в том, что попытка буржуазии свести революцию к замене одного царя другим получила дружный и немедленный отпор. Рабочий класс быстро восстанавливал профсоюзы, создавал новые организации — фабзавкомы, объединявшие всех рабочих предприятий независимо от их профессий, явочным порядком вводил восьмичасовой рабочий день, создавал рабочую милицию и Красную гвардию для защиты революции.

Свержение самодержавия, завоевание политической свободы были лишь ближайшей целью, одним из этапов освободительной борьбы пролетариата. Этот этап был пройден. Встал вопрос: куда и как идти дальше. Рабочий класс страны помнил указания В. И. Ленина: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм!» (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 104). Первая часть задачи была в основном решена. Вторую — предстояло решить. Это и являлось целью борьбы пролетариата. Трудность состояла в том, что двоевластие создавало у многих представление о незаконченности демократического этапа революции.

На арене политической борьбы интересы рабочего класса выражала ленинская партия большевиков. Она только что вышла из подполья. Ее руководящие кадры в большей части находились в эмиграции, сейчас лишь возвращались из тюрем и ссылки. В сложных условиях партия возглавила борьбу пролетариата за социалистическую революцию.

Партия, ее кадры, за исключением Каменева и его немногочисленных единомышленников, стояли на ленинской позиции необходимости и возможности социалистической революции в России, руководствовались ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, правильно охарактеризовали. Временное правительство как правительство контрреволюционной буржуазии, продолжающее империалистическую войну. Однако на первых порах Русское Бюро ЦК, местные организации и работники

партии не поняли всего своеобразия обстановки, созданной двоевластием, полагали, будто буржуазно-демократический этап революции еще не завершен, допускали возможность путем давления масс на Временное правительство добиться от него мира.

Что же представляла собою партия большевиков в это время? Десятилетия свирепых полицейских преследований не прошли бесследно, и к моменту выхода из подполья ленинская партия была сравнительно немногочисленна. В ее рядах состояло около 24 тысяч человек [1]. Однако это были опытные, закаленные в борьбе революционеры. Партия была идейно и организационно сплочена. Она очистила свои ряды от оппортунистов, сохранила прочнейшие связи в рабочем классе. И, выйдя из подполья, партия сразу же развила активную деятельность в массах, быстро восстановила свои организации, превратилась и численно в массовую партию рабочего класса.

Уже в первые дни революции стали легально действовать Русское Бюро ЦК и Петербургский комитет в Петрограде. Сформировались Московское областное и Сибирское бюро ЦК. 5 марта возобновилось издание центрального органа партии газеты «Правда». В марте в стране издавалось 16 большевистских газет, в апреле их стало 26, а в июле — 51. Только партия, имеющая глубокие корни в рабочей массе, несмотря на травлю буржуазной и соглашательской печати, острый недостаток средств, могла так быстро и организованно развернуть работу в новых условиях.

С возвращением в Россию В. И. Ленина партия получила ясную перспективу и четкий план борьбы за перерастание демократической революции в социалистическую. План перехода к социалистической революции, кратко сформулированный Лениным в Апрельских тезисах, опирался на тщательный анализ конкретных условий. Решение всех проблем, затрагивающих кровные интересы трудящихся масс, Ленин связывал с вопросом о власти. «Никакой поддержки Временному правительству». Этот тезис означал признание империалистического характера правительства, требовать от которого чего-либо для народа все равно, что плодить иллюзии. Но это не являлось призывом к свержению правительства силой оружия. Свергать его, пока оно пользовалось поддержкой Советов, было бы авантюрой. Предстояло показать массам истинный характер Временного правительства, разоблачить лживость его посулов, нежелание и неспособность дать народу мир, хлеб, землю, свободу.

Отношение к другой власти — к Советам — вытекало из признания того факта, что в них преобладал блок меньшевиков и эсеров. «Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 115). «Вся власть Советам!» — таков был ленинский лозунг, рассчитанный на постепенное отвоевание рабочих и крестьян у меньшевиков и эсеров.

Ленин внес полнейшую ясность в вопрос о путях выхода из войны. Империалистический характер войны невозможно было изменить никаким давлением на правительство империалистов. А Советы, которые, взяв власть, сразу могли покончить с войной, от власти отказались. От-

[1] По подсчетам авторов III тома Истории КПСС. Партийная перепись 1922 года дает примерно такую же цифру. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» называлась цифра 40—45 тысяч, но она не опиралась на документальные источники.

сюда тактика большевиков: терпеливо и настойчиво разъяснить массам, охваченным угаром «революционного оборончества», что «кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 114). Отсюда требования: никакой поддержки Временному правительству, войне, военным займам; никаких уступок оборончеству. Партия призывала укреплять единый антиимпериалистический фронт пролетариев, трудящихся. Борьба за мир в сознании народных масс сливалась с борьбой за власть.

В области экономической Ленин выдвинул и обосновал программу неотложных переходных мер, которые имели целью спасти страну от разрухи, поставить трудящихся лицом к лицу с Временным правительством, чтобы показать им необходимость самим взять власть в свои руки. Немедленная конфискация помещичьих земель, национализация всей земли и передача ее в распоряжение местных Советов батрацких и крестьянских депутатов, слияние всех банков в общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Советов, переход к контролю со стороны Советов над общественным производством и распределением продуктов — все это были меры, которые отвечали интересам народа, но их не могло осуществить Временное правительство. Осуществление их опять-таки связывалось с вопросом о власти.

Выдвигая в качестве центрального лозунга борьбы лозунг «Вся власть Советам!», Ленин имел в виду *мирное* развитие революции, оказавшееся возможным в связи с громадным преобладанием сил революции над реакцией. Большевики не ставили условием перехода власти в руки Советов предварительное изгнание из них меньшевиков и эсеров. Советы принимались партией такими, какими они были. Выдвигая этот лозунг, большевики понимали, что либо эсеры и меньшевики под напором масс отойдут от буржуазии и тогда может встать вопрос о блоке с ними, либо они своим услужничеством буржуазии оттолкнут от себя массы и массы изгонят их из Советов. Опыт масс — вот на что рассчитывал Ленин.

История подтвердила всю правоту ленинской партии. По мере того как рабочие, солдаты, беднейшие крестьяне узнавали правду о партии Ленина, они активно пополняли ее ряды. Уже к апрельской конференции число большевиков перевалило за 100 тысяч. На VI съезде было представлено 240 тысяч членов партии, а к Октябрьскому вооруженному восстанию партия насчитывала около 350 тысяч членов. И это несмотря на то, что большевики были единственной партией, которая ограждала себя от наплыва случайных элементов. Еще 18 марта 1917 года Бюро ЦК приняло решение о необходимости для вновь вступающих двух рекомендаций членов партии.

Непосредственно пролетариату противостоял в революции класс буржуазии, относительно немногочисленный, но экономически уже управлявший страной. Промышленно-банковскую буржуазию, составлявшую ядро класса, поддерживали обуржуазившиеся помещики, кулачество. На поприще политической борьбы буржуазия с 1905 года была представлена тремя партиями: октябристов, в сущности, монархистов (во главе с А. Гучковым и М. Родзянко), прогрессистов (П. Рябушинский) и кадетов, или, как они себя наименовали, партией народной свободы (П. Милюков). В первые же дни после Февраля октябристы, связанные с монархическими идеями, спрятались за спину кадетов, сошли со сцены прогрессисты, растворившись в кадетской партии. Буржуазия сплотилась вокруг партии кадетов. Эта партия в сложившихся условиях наиболее искусно представляла и защищала интересы эксплу-

ататорских классов. Ее программа, расцвеченная лозунгами о патриотизме и свободе, фактически сводилась к следующему: установление полной диктатуры буржуазии и ликвидация Советов; война до победного конца; единая и неделимая Россия; неприкосновенность частной собственности.

Большую роль в общественно-политической жизни страны стала играть мелкая буржуазия, особенность которой выражалась в неопределенности позиций, колебаниях между буржуазией и пролетариатом. В общероссийском масштабе эту разнородную массу представляли партии меньшевиков и эсеров. Общая социальная природа, реформистская идеология и тактика предопределили тесный блок этих партий, получивших на первых порах большинство в Советах.

Меньшевики, называвшие себя рабочей партией, марксистами, представляли типичную социал-демократическую партию II Интернационала, насквозь пораженную оппортунизмом. Однако в отличие от Запада слой «рабочей аристократии» — социальной опоры социал-демократии — в России был очень тонок. Поэтому главной базой ее стала городская мелкая буржуазия, средние и низшие слои интеллигенции. Несмотря на то, что в годы войны эта партия не подвергалась сильным гонениям и даже во многом сотрудничала с буржуазией, революция застала ее в состоянии разброда. Она представляла собой конгломерат, соответствовавший ее разнородной базе [1].

Всем течениям меньшевизма была присуща оппортунистическая догма о том, что Россия не созрела для социалистической революции, что итогом революции должен быть переход власти в руки буржуазии и страна должна будет пройти длительную стадию капиталистического развития. Именно поэтому они сознательно стремились упрочить власть Временного правительства и лишить власти Советы. Правда, они оставляли за Советами «контроль» над Временным правительством, но мыслили его в виде «контактной комиссии» Совета, то есть как верхушечный контроль. Роль оппозиции по отношению к правительству буржуазии и помещиков они разыгрывали лишь до тех пор, пока это правительство не зашаталось под ударами революции. Тогда они вместе с эсерами вошли в это правительство, оставаясь и в Советах.

Меньшевики были главными противниками большевиков в борьбе за пролетарские массы. Перспективы этой борьбы предопределяло то обстоятельство, что меньшевики не имели сколько-нибудь ясной программы ни по одному злободневному вопросу, стоявшему перед рабочим классом, а в политической деятельности проповедовали сотрудничество с буржуазией. Попытки объединить различные течения на какой-либо единой платформе на конференции в мае (на ней было представлено 45 тысяч членов меньшевистских и объединенных организаций) и на Объединительном съезде в августе ни к чему не привели. Наоборот, партия меньшевиков, численно разбухая (на съезде было представлено около 200 тысяч членов), продолжала распадаться и шаг за шагом теряла свое влияние. Отстаивая интересы наживавшейся на войне буржуазии, она опозорила себя перед рабочими, призывая их воздержаться от требования восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы, принести свои жертвы «на алтарь отечества».

[1] Правое крыло меньшевиков (Потресов, Либер) состояло из откровенных оборонцев. Основное течение меньшевизма выражал центр (Дан, Церетели, Чхеидзе), также имевший различные оттенки. Центристы прикрывали свое оборончество громкими словами о защите революции, свободы и т. п. от внешних врагов. Левое крыло меньшевиков составляла группа Мартова — Мартынова. Особняком на крайнем правом фланге меньшевизма стояла социал-шовинистская группа Плеханова, а на левом — группа меньшевиков-интернационалистов, объединившаяся вокруг газеты «Новая жизнь» (Суханов, Базаров и др.).

Все активнее в революцию втягивалось крестьянство, усиливалась борьба за землю. Меньшевики уговаривали крестьян не трогать помещичьи имения и ждать Учредительного собрания. Даже свою старую программу муниципализации земли меньшевики сдали в архив. Против большевистской программы национализации земли они боролись с особым рвением. В национальном вопросе меньшевики в значительной части поддерживали идею национально-культурной автономии, но были против политической автономии, права наций на самоопределение. Проведение в многонациональной стране политики, которая фактически поддерживала великодержавные стремления буржуазии, не могло привлечь симпатий угнетенных народов.

По всем основным вопросам политики с меньшевиками блокировалась партия социалистов-революционеров (эсеров) — главный противник большевиков в борьбе за крестьянские массы. Это была партия по преимуществу зажиточных крестьян, но на первом этапе революции своими старыми лозунгами социализации и уравнительного распределения земли, установления республики и восьмичасового рабочего дня, безудержной «революционной» демагогией она завоевала себе поддержку значительной части крестьян, солдат, городской мелкой буржуазии и наименее зрелой части рабочих. Разнородность социальной базы партии эсеров обусловила ее непрерывный идейно-политический и организационный разброд. Революция углубила этот разброд в связи с тем, что партия даже формально на III съезде (май 1917 года) отказалась от программы социализации земли, опасаясь, что захват земли будет означать разрыв с буржуазией[1].

Такова общая картина классовых и политических сил в стране в период решающей борьбы за революцию. Были и другие партии, но они не играли сколько-нибудь заметной роли. Буржуазные и мелкобуржуазные партии, создававшиеся в национальных районах, также не имели самостоятельного значения в масштабе всей страны. «Общероссийская» национальная партия Бунд (Всеобщий еврейский союз) представляла националистическую разновидность меньшевизма. Пролетарски-интернационалистическое направление в национально-освободительном движении было связано только с деятельностью большевистской партии.

БОЛЬШЕВИКИ ЗАВОЕВЫВАЮТ МАССЫ. СОГЛАШАТЕЛИ ИХ ТЕРЯЮТ

Время от Февраля к Октябрю было временем проверки, сопоставления в глазах трудящихся программных заявлений и практических действий всех политических партий. Массы делали выбор, они убеждались в правильности позиции большевиков в период всех критических моментов развития революции (апрельский кризис, июньский кризис, июльские события, корниловщина). Партия большевиков неизменно выражала коренные интересы пролетариата и всех трудящихся, готовила их к завоеванию власти, предостерегала от преждевременных действий.

Нота министра иностранных дел Милюкова от 18 апреля (1 мая) правительствам Антанты, в которой сообщалось, что Временное правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников», и продолжать войну, вызвала возмущение рабочих и солдат. Правительство зашаталось. Советы могли в этот мо-

[1] В ней так же, как и у меньшевиков, наметились три направления: правые (откровенные оборонцы) во главе с Авксентьевым, центр — Чернов, левые («интернационалисты») — Спиридонова, Камков, Натансон. Правое крыло партии примыкало к кадетам, левое — к анархистам. Проверка на опыте политической линии и практики эсеров привела к тому, что крайне слабое вначале левое крыло стало быстро расти и ко времени Октябрьской революции фактически обособилось в партию левых эсеров — крестьянскую партию. К правым эсерам потянулись кулаки.

мент взять власть без всякого сопротивления, к чему и призывали большевики. Но эсеро-меньшевистские лидеры поспешили спасти правительство и провели в Петроградском Совете решение о создании коалиционного правительства. Шесть «социалистов» (в том числе Церетели, Чернов, Керенский) вошли в правительство империалистической буржуазии. Советы через своих лидеров поддержали правительство. Следовательно, в этих условиях свергать его было нельзя, и ЦК большевистской партии осудил попытки авантюристических элементов призвать в тот момент массы к оружию. Партия считала необходимым разоблачить в глазах трудящихся не только контрреволюционность Временного правительства, но и губительность соглашательской политики Советов.

Июльские события стали началом общего краха политики соглашателей. «Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 2). В связи с этим большевики временно сняли лозунг «Вся власть Советам!». Наступил период единовластия буржуазии, и ее власть можно было свергнуть только силой. Означало ли это, что отныне большевики отказались от использования мирных средств борьбы? Нет. Во время корниловского мятежа соглашатели, опасаясь, что утратят всякое доверие масс, поднявшихся на борьбу против Корнилова, объявили себя противниками военной диктатуры. Советы в борьбе против военного заговора вновь обрели силу. В статье «Задачи революции» Ленин писал: «Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 237).

Это опровергает вымыслы буржуазных историков о нетерпимости и гегемонизме большевиков. Несмотря на открытое предательство соглашателей, большевики не отбрасывали возможности совместной работы и мирной борьбы с ними в Советах за доверие народа. Мало того, Ленин прямо заявлял о возможности блока с эсерами и меньшевиками. Подчеркивая, что союз кадетов с меньшевиками и эсерами против большевиков испытан в течение нескольких месяцев и он привел к усилению большевиков, к краху коалиции, к усилению «левой» оппозиции у соглашателей, Ленин писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии *еще не испытан.* Или, если быть более точным, такой союз *испытан* только *по одному фронту,* только в течение *пяти дней,* 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что гражданская война с *этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 221—222).

Большевики, которых обвиняли в разжигании гражданской войны, в расколе «демократии», даже в этот момент предлагали использовать последнюю возможность предотвращения гражданской войны. Однако лидеры меньшевиков и эсеров предпочли остаться в лагере контрреволюции и тем самым подписали себе политический смертный приговор.

Трудящиеся повсюду стали изгонять их из Советов и заменять большевиками. Меньшевики в несколько недель превратились в третьестепенную партию, собирающую ничтожное число голосов избирателей. Эсеры как партия, по их собственному определению, были «уже не столько армия, которая ведет борьбу за свои идеалы, сколько арена борьбы разнородных элементов».

К октябрю в стране назрел общенациональный кризис. Война, разруха и голод вели страну к гибели. Рабочий класс вставал против правительства, которое возглавляли соглашатели. Петроградский, Московский и многие другие Советы крупнейших рабочих центров в сентябре стали большевистскими. Ленин с полным основанием писал: «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244). Против министров-«социалистов» поднялась деревня. В марте — сентябре отмечено 5 631 крестьянское выступление. Не дождавшись земли от эсеров, крестьяне, следуя призывам большевиков, брали ее сами. На сторону большевиков перешла бо́льшая часть солдат важнейших фронтов и тыловых гарнизонов, измученных бессмысленной войной за чуждые народу интересы. Теперь лозунг «Вся власть Советам!» стал прямым призывом к вооруженному восстанию. Опираясь на поддержку большинства народа во главе с рабочим классом, большевики под руководством Ленина так тщательно подготовили восстание, обеспечили такой перевес революционных сил, что Временное правительство не сумело оказать серьезного сопротивления и было сметено.

Первыми декретами II съезда Советов, вручившего власть большевикам, были Декрет о мире и Декрет о земле, которые выражали интересы широких народных масс и вызывали у всех трудящихся чувство доверия к новой власти — диктатуре пролетариата. Из рук большевиков народ получил то, чего он в течение полугода тщетно ожидал от правящего блока меньшевиков и эсеров. Опубликованная 15(28) ноября «Декларация прав народов России», по-ленински решившая национальный вопрос, обеспечила новой власти поддержку трудящихся национальных окраин.

Таким образом, партия большевиков завоевала и закрепила полное доверие народа. Партии эсеров и меньшевиков, опиравшиеся на государственную власть, потерпели сокрушительное поражение.

Эсеро-меньшевистские и буржуазные источники в один голос твердят, что, мол, большевики, «случайно захватив власть», тотчас же использовали ее для уничтожения всех своих политических противников. Эти злостные вымыслы и ныне используются для запугивания сторонников блока с коммунистами в социал-демократических партиях. Факты межпартийной борьбы не только в России говорят о другом.

Непримиримая борьба против оппортунизма, за идейную чистоту *своих* рядов, за идейное и организационное единство — отличительный признак марксистско-ленинских партий. Иное дело — отношение к другим партиям.

Еще до возвращения в Россию Ленин решительно возражал против каких бы то ни было форм объединения большевиков с любым направлением меньшевизма, в том числе против создания объединенных организаций на местах, что имело кое-где место. Но он требовал различать социал-шовинизм вождей меньшевиков и эсеров и добросовестное заблуждение верящих им масс. Первых надо было разоблачать, вторых — завоевывать на сторону рабочего класса и его революционной партии.

По предложению Ленина Петроградская общегородская конференция большевиков постановила: «Признать объединение с партиями, как

целыми, проводящими политику поддержки Временного правительства, революционного оборончества и пр., ввиду того, что эти партии перешли с классовой пролетарской позиции на мелкобуржуазную,— безусловно невозможным». Одновременно конференция признала желательным сближение и объединение с группами рабочих, примыкающих к меньшевикам, «на началах безусловного разрыва с мелкобуржуазной изменой социализму».

Когда в связи с разоблачением официального руководства меньшевиков и эсеров, как пособников буржуазии, в рядах этих партий усилился распад и раскол, партия большевиков поддержала те группы, которые встали на путь интернационализма, борьбы за власть Советов. Большевики внимательно учитывали процессы, происходящие в среде мелкобуржуазных партий под влиянием изменения позиций мелкобуржуазных масс. Ленин писал: «Как *показатели* того, что *массы левеют*, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты имеют *огромное* политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эсеров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 408).

Ко времени Октябрьской революции от меньшевиков откололись и создали самостоятельную партию объединенные социал-демократы — интернационалисты. VI съезд большевиков принял в партию группу межрайонцев, в которую наряду с бывшими большевиками-примиренцами входили и бывшие меньшевики. Объединение на местах с меньшевиками-интернационалистами практиковалось довольно часто и до решения съезда. После июльских событий ряды меньшевиков катастрофически редели, их влияние в рабочем классе фактически свелось к нулю. В марте тираж меньшевистской «Рабочей газеты» достигал 100 тысяч, в сентябре — 10—15 тысяч. Рабочий класс России впервые в истории еще до прихода к власти сумел ликвидировать раскол в своих рядах.

Еще более показательна эволюция партии эсеров. По мере развертывания крестьянского движения в ее рядах усиливалось левое крыло. Не порывая формально с партией, левые эсеры уже в июле 1917 года представляли самостоятельную партию. Они выступили против коалиции с кадетами на Всероссийском демократическом совещании, а на эсеровской фракции «предпарламента» объявили политику официальной партии предательской и ушли с заседания. После того как ЦК распустил Петроградскую, Воронежскую, Гельсингфорсскую организации, исключил из партии всех левых эсеров, равно как и всех участвовавших в Октябрьском вооруженном восстании или содействовавших ему, левые эсеры организационно оформили свою партию.

В канун Октября левые эсеры с их требованием уравнительного землепользования (в противовес центро- и правым эсерам, отказавшимся от него) отражали, по существу, настроения большей части крестьянства. Именно поэтому большевики выдвинули и провели идею блока с левыми эсерами, выражавшего идею союза рабочих и крестьян. Формально этот блок был оформлен после II съезда Советов. В действительности он сложился еще в ходе подготовки к Октябрьскому вооруженному восстанию.

Выражением блока большевиков с левыми эсерами был Декрет о земле, предложенный Лениным и принятый II съездом Советов. Чтобы наглядно показать крестьянину, что рабочий класс — их вернейший и надежнейший союзник и вовсе не намерен навязывать им свою волю, партия рабочего класса, большевики «*ни слова своего* не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских нака-

зов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы *эсерами в эсеровской* газете» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 14).

Большевики, которым II съезд Советов поручил, как партии большинства, сформировать правительство, искренне хотели привлечь к сотрудничеству в правительстве все элементы, стоящие на платформе Советской власти и признающие декреты II съезда Советов. В частности, трем лидерам левых эсеров было предложено вступить в правительство. Однако на первых порах ни одна партия предложения большевиков не приняла. Правительство было сформировано и утверждено съездом из одних большевиков. Но в Центральный Исполнительный Комитет Советов — верховный орган государственной власти в стране в период между съездами Советов — было избрано 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 1 эсер-максималист.

Колебания левых эсеров были поддержаны неустойчивыми большевиками, которые не верили в силы партии и революционного народа. Вопреки решениям съезда Советов и прямой директиве ЦК Каменев и его единомышленники вступили в недопустимый торг с соглашательским руководством ВИКЖЕЛя (профсоюз железнодорожников) и эсеро-меньшевистским руководством о сформировании правительства. Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин и некоторые другие отказались от работы в ЦК и Совете Народных Комиссаров, присоединившись к требованиям меньшевиков и эсеров о создании правительства из всех «социалистов». В связи с этим 7 (20) ноября ЦК обратился с письмом «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», в котором, заклеймив позором дезертиров, разъяснял, что большевики вовсе не намеревались использовать свое большинство на съезде для отстранения от участия в правительстве всех других политических партий и вообще не претендуют на какое-то исключительное положение в вопросах формирования правительства, но они будут твердо выполнять волю съезда Советов, выразителя воли народа страны.

Большевики ясно и определенно заявляли:

«Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*, получившегося на последнем съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму. Но никаким ультиматумам интеллигентских группок, за коими массы не стоят, за коими *на деле* стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и пр., мы не подчинимся» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 76).

Таким образом, будучи правящей, партия большевиков не отказывалась от сотрудничества с партиями, которые выражали интересы тех или иных слоев *трудящегося* населения.

Как реагировали на позицию большевиков мелкобуржуазные партии? Эсеры и меньшевики, уйдя со II съезда Советов, 25 октября создали вместе с буржуазными партиями «Комитет спасения родины и революции» под председательством эсера Гоца и 29 октября подняли мятеж в Петрограде, помогая наступлению на столицу бежавшего «социалиста» Керенского и монархиста генерала Краснова. Одновременно Чернов, Гоц и Скобелев бросились в Ставку в Могилеве, пытаясь поднять против Советской власти армию и, опираясь на нее, сформировать правительство под председательством Чернова. Потерпев полнейший крах, лидеры меньшевиков и эсеров вместе с кадетами приняли участие

в гражданской войне на стороне белогвардейцев и иностранных интервентов, против рабочих и крестьян России, участвовали в создании белогвардейских «правительств»: Уфимской директории, Самарского Комуча, «Северного правительства» Чайковского, Омской директории и т. п. Вместе с белогвардейцами и интервентами они и были вышвырнуты на свалку истории. Лидер левых эсеров М. Спиридонова признавала: «Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям эсеров и меньшевиков. Они погасли в пустоте».

Иначе случилось с левыми эсерами. Проходившие в ноябре — декабре 1917 года Чрезвычайный и II съезды крестьянских депутатов, на которых преобладали левые эсеры (правые эсеры покинули I и II съезды, потерпев на них полное поражение), одобрили декреты Советской власти и высказались за объединение Советов крестьянских депутатов и Советов рабочих и солдатских депутатов. Учитывая это, ВЦИК по предложению Я. М. Свердлова 17 ноября принял решение передать Наркомат земледелия левым эсерам, введя большевиков в коллегию наркомата. Во все другие коллегии при СНК левые эсеры могли ввести своих представителей. На следующий день, 18 ноября, Ленин, выступая на крестьянском съезде, сказал: «Союз крестьян и рабочих есть основа для соглашения левых эсеров с большевиками.

Это есть честная коалиция, честный союз, но этот союз будет честной коалицией и на верхах, между левыми эсерами и большевиками, если левые эсеры более определенно выскажут свое убеждение в том, что переживаемая нами революция есть революция социалистическая» (Полн. собр. соч., т. 35, стр. 100—101).

После съездов, 9 декабря 1917 года, СНК принял решение предложить левым эсерам войти в правительство, на что они ответили согласием. Эсеры получили семь из восемнадцати постов в правительстве, в том числе посты наркомов земледелия, юстиции, городского и местного самоуправления. Но честная коалиция оказалась непродолжительной. Левые эсеры ее нарушили. С развертыванием борьбы в деревне эта партия все больше превращалась в партию кулачества. На IV Чрезвычайном съезде Советов (15 марта 1918 года) они выступили против Брестского мира, вышли из правительства, но остались во ВЦИКе и в советских учреждениях. Однако III съезд левых эсеров (28 июня — 1 июля 1918 года) уже взял прямой курс на борьбу против всех мероприятий Советской власти и в первую очередь против продотрядов, создания регулярной Красной Армии, Брестского мира. Когда V съезд Советов похоронил надежды левых эсеров получить на нем большинство и изменить политику Советской власти, они ушли со съезда и подняли антисоветский мятеж, который был подавлен в тот же день. Таким образом, колебания лидеров левых эсеров привели их также в лагерь контрреволюции. Этим они оттолкнули от себя трудящееся крестьянство и сошли с политической арены.

Острота классовой борьбы, обусловленная поддержкой международным империализмом внутренней контрреволюции, в конце концов привела к тому, что и партии мелкобуржуазной демократии, вначале стоявшие на позициях Советской власти (как меньшевики-интернационалисты, левые эсеры, анархисты-коммунисты, левые бундовцы, боротьбисты и другие), после многократных расколов распались. Лучшие

их элементы влились в Коммунистическую партию большевиков [1], часть попала в обывательское болото, а иные оказались в лагере контрреволюции. Длительная и ожесточенная гражданская война перед всеми политическими группами поставила неотвратимую дилемму: против большевиков — тогда за помещиков и буржуазию, с белогвардейцами и интервентами; за трудовой народ, против помещиков и капиталистов — тогда с большевиками, ибо не было другой силы, которая могла бы организовать борьбу против белогвардейцев и интервентов. В ходе гражданской войны все промежуточные партии и течения были размыты. Их лидеры, опираясь на штыки белогвардейцев и интервентов, выступили против своего народа, пытались захватить власть, потерпели поражение, «и ничего, кроме смрада и дыма, от них не осталось»,— как говорил Ленин о партии левых эсеров (Полн. собр. соч., т. 36, стр. 119).

Но даже после победоносной гражданской войны большевики *допускали* своих не только политических, но и военных противников к участию в политической жизни страны [2]. Пресекая контрреволюционную деятельность соглашательских партий, Советская власть не ликвидировала их путем запрета. После окончания гражданской войны эти партии одна за другой объявляли о своей самоликвидации, что означало полный отказ от своих программных и тактических принципов [3]. Многие деятели этих партий честно работали в рядах партии большевиков или в советских организациях, некоторая же часть встала на путь антисоветской деятельности.

Является ли такой ход событий всеобщей закономерностью общественного развития? Нет. Как известно, в ряде стран, позднее и в иных исторических условиях, чем СССР, вступивших на путь социализма, наряду с марксистско-ленинскими партиями рабочего класса, руководящими строительством социализма, функционируют и другие политические партии, выражающие интересы союзных пролетариату классов и социальных групп (крестьянства, мелких собственников города, некоторых слоев интеллигенции). Их представители входят в законодательные органы и правительства, сотрудничают в Народном фронте, и пример Польши, ГДР, Чехословакии и других государств доказал плодотворность этого сотрудничества.

Стратегия и тактика Коммунистической партии, рассчитанная на привлечение на сторону рабочего класса непролетарских масс трудящихся, одержала полную победу. В ходе тяжелой борьбы, обостренной вмешательством империалистов, трудящиеся России, испытав на деле десятки политических партий, признали выразителем своих интересов только партию Ленина. С тех пор партия коммунистов в нашей стране одна несет обязанность политического руководителя общества.

Всей своей деятельностью, направленной на благо трудящихся, партия Ленина — Коммунистическая партия Советского Союза — доказала, что советский народ сделал правильный выбор, вручив ей политическое руководство страной.

---

[1] По Всероссийской переписи членов РКП(б) в 1922 году, проходившей после чистки, в ходе которой были исключены выходцы из других партий, лишь перекрасившие фасад, в РКП(б) состояло 22 517 человек, принадлежавших ранее к другим партиям.

[2] На VIII съезде Советов (декабрь 1920 года) меньшевикам, эсерам, бундовцам и другим мелкобуржуазным партиям принадлежало еще 3 процента мандатов.

[3] В 1920 году приняли решения о самоликвидации партии левых эсеров, максималистов, народников-коммунистов. После раскола на XII конференции (1920 год) левое крыло Бунда в 1921 году также решило примкнуть к РКП(б). Еще раньше, в марте 1920 года, украинские левые эсеры-боротьбисты были приняты в КП(б) Украины.